

Ольга Дашкова

**Аукцион невинности
Двойная ставка**

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84.4(2Рос-Рус)
Д21

Дашкова О.

Д21 Аукцион невинности. Двойная ставка / О. Дашкова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 334 с. — (Двойное).

ISBN 978-5-521-90718-2

— Тебе страшно?

— Нет.

— Сними одежду.

— Что?

— Мы заплатили за твою девственность большую сумму, удвоив ставку.

Мы? Это оговорка, или нет?

Начинаю задыхаться, хочу отстраниться, но мне не дают.

За спиной шаги, движение. На плечо опускается рука, сухая горячая ладонь, сильные пальцы сжимают до боли.

А до меня доходит его сказанное: «Мы».

Я продала свою несуществующую девственность на аукционе, в надежде спасти дочь. Меня купили сразу двое, но их не обмануть, а мне не уйти просто так.

BIC FR
BISAC FIC027000

ISBN 978-5-521-90718-2

© Дашкова О., текст, 2023

© Леола К., обложка, 2023

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

Пролог

Разбуди всех своих демонов.

— Тебе страшно?

— Нет.

Соврала, хочу, чтобы все быстрее началось и закончилось. Половина суммы уже есть на счету, вторая будет только утром, таковы условия аукциона. Владелец лота должен убедиться лично, что я девственница.

— Почему тогда дрожат твои пальцы?

— Немного неуютно.

— Тебе приходилось продавать и предлагать себя раньше?

— Нет.

— Что же изменилось?

Мужчина слишком близко, чувствую тонкий аромат его парфюма, запах сигар. Он как раз сжимает ее своими крупными пальцами, ведет ими от кисти до локтя, вызывая еще большую дрожь внутри. Дым окутывает нас, проникает в легкие, хотя и так нечем дышать от страха.

Да, мне очень страшно.

— Можно я не буду отвечать на ваши вопросы? Мы ведь не за этим здесь собрались.

— Хм... забавную мы купили шлюху.

— Я не шлюха.

Он склоняет голову, закусывает сигару зубами, хватается за подбородок, больно, но терплю.

— Смотри в глаза.

Снова дым, но, когда он рассеивается, меня парализует. Это именно тот взгляд, который я чувствовала, не видя перед собой практически ничего, стоя обнаженной на сцене ночного клуба.

Там было много мужчин, они пожирали взглядами, имели, унижали, сулили удовольствия и боль, но я остро чувствовала именно этот.

Так смотрят люди, у которых есть все. Они устали от денег и власти. Им скучно, им нужны забавы, адреналин, драйв, острые ощущения.

Но и всем этим их не удивить.

Им нужно просто кого-то поломать, услышав хруст позвонков, увидеть слезы, услышать мольбы о помощи.

Их это тоже развлекает.

Жадно вглядываюсь в крупные черты лица мужчины, губы изогнуты, нет, не в усмешке, а так, словно он трогает что-то мерзкое, грязное. Оценивает меня, еще сильнее сжимая подбородок двумя пальцами. Темные глаза, густые брови, на носу горбинка, высокий, широкоплечий, трехдневная щетина, короткая стрижка.

Его нельзя назвать привлекательным, но та энергия, что исходит от него, валит наповал.

Сглатываю, но ком так и стоит в горле, стараюсь медленно дышать через нос, не могу отвести от него взгляд. А он словно заглядывает в душу, обволакивая липкой темнотой, прощупывая каждый уголок, каждое укромное место, где могут быть скрыты все мои тайны.

— Отпустите. Больно.

— Молчи, здесь говорю я. И мне решать, когда и как делать тебе больно или хорошо.

Спина леденеет. Я чувствую, как пахнет мой страх, который я источаю. Хватаюсь за его локоть, но сразу отпускаю.

— И ты будешь трогать меня, когда я скажу. Ты на двадцать четыре часа наша кукла.

Прикрываю веки в знак того, что я все поняла, меня отпускают, но легче не становится. Почему я думала, что все пройдет просто и легко? Что нужно будет всего лишь лечь, раздвинуть ноги и отрешиться от происходящего. Наивная.

— Сними одежду.

— Что? — теряюсь от такого прямого приказа.

— Сними с себя все. Хочу еще раз видеть, за что мы заплатили.

Наша? Мы? Не понимаю этих фраз.

Но я совсем забыла, зачем сюда пришла. Напомнили.

Развязываю пояс пальто, затем расстегиваю пуговицы, не знаю, куда его деть, кидаю под ноги. У меня нет задачи соблазнить, нужно просто провести ночь и подарить, нет, точнее будет сказать, отдать купленный на аукционе товар — свою девственность.

Мужчина отворачивается, подходит к бару, наливает себе в бокал алкоголя, садится в кресло, которое ярким пятном выделяется на фоне темного интерьера, и снова уничтожает взглядом.

Может, он извращенец? Сейчас на меня наденут наручники, ошейник, в рот засунут кляп, поставят раком и будут всю ночь насиловать в извращенной форме.

Я не исключаю такого расклада. Я знала, на что шла.

Пальцы начинают дрожать еще больше, не могу расстегнуть молнию на спине рабочего платья. Ушла после своей смены в гостинице, сняв только беджики и фартук, не надев предложенный наряд после аукциона. Сердце колотится в бешеном ритме, но как-то справляюсь с замком.

Платье опускается к ногам, перешагиваю его. Господи, пусть это все пройдет быстро. Не могу смотреть на мужчину, оглядываюсь по сторонам, мы в гостиной, здесь нет кровати, только диван, но он огромный, занимающий почти все пространство.

На стеклянном столике — массивная пепельница, рядом коробка с сигарами, задерживаю на ней взгляд.

Стою в одном белье, самом простом, в колготках и туфлях на невысоком каблуке. Понимаю, что надо раздеваться дальше, но жду приказа, как толчка в пропасть.

Молчит.

Ждет.

Расстегиваю лифчик, бросая его в кучу вещей, заливаясь стыдом, снимаю колготки и трусики. Колотит от холода, кожа покрывается мурашками, а спина — испариной.

— Опустись на колени и ползи ко мне.

Господи, за что мне все это? Я ведь хочу сделать добро. Почему для этого нужно пройти через унижения, ломая себя, втапывая в грязь?

Я и есть грязь в его глазах.

Девка, которая продала себя подороже, даже не проститутка, те ежедневно обслуживают клиентов, это их работа. А я же нашла более легкий способ сорвать куш.

— Ты глухая?

— Нет.

Опускаюсь на четвереньки, длинные, не собранные волосы рассыпаются по плечам, задевают пол. Я, передвигая ногами и руками, двигаюсь в сторону мужчины.

Когда оказываюсь совсем близко, сажусь на колени, снова смотрю в его глаза. Становится холодно, так, что трясет, это стресс, зря не выпила коньяка, а девочки предлагали.

— Как тебя зовут?

— Зачем вам мое имя?

— Ты забыла, о чем я тебе говорил недавно? Здесь я задаю вопросы, и я решаю, что ты делаешь.

Вздрагиваю от испуга, когда в углу бьют часы, так громко, отмеряя своими ударами, сколько мне осталось еще жить.

— Александра.

Густой сигарный дым обволакивает, хочется раствориться в нем, исчезнуть. Потому что я наверняка не выберусь из этого особняка живой. Да что там, из этой комнаты.

Радует лишь то, что часть денег дошла, я сама видела переведенную сумму, мне показали устроители аукциона, что она была благополучно переведена на счет. Бабушка утром снимет, так надежнее, отнесет в клинику, а там начнут шевелиться.

— Мы заплатили за твою девственность немаленькую сумму, ставки были высоки.

Мы? Снова эта оговорка. Или нет?

Сжимаю кулаки, не понимаю, отчего больше трясет: от страха или холода? Глубоко дышу, звон пряжки ремня, как щелчок предохранителя, взрывает нервную систему.

— Тебе снова говорить, что ты должна делать?

— Нет, я все поняла.

— Делала минет раньше?

— Нет.

Опускаю глаза, потому что чувствую, как он считывает мою ложь, воздух электризуется, облизываю пересохшие губы.

Не знаю, на что я надеялась, идя на эту авантюру? Мне были нужны деньги, быстро и много, очень нужны. Спонтанное решение, дурацкий план, наиглупейший, в надежде на то, что мужчина ничего не почувствует, будет пьян или под кайфом. А там я уже симитирую, порежу палец, испачкаю себя и его.

Не поймет, что я продала пустышку.

Что я не девственница.

— Смотри в глаза.

Кусаю щеку изнутри до боли, смотрю, а у самой все обрывается внутри. Он словно гипнотизирует меня, забравшись в голову, где уже яркими вспышками мелькают картинки, одна откровеннее другой.

Начинаю задыхаться, хочу отстраниться, но мне не дают.

За спиной шаги, движение, оборачиваюсь, но вижу только чьи-то ноги, в мужских, до блеска начищенных ботинках.

На плечо опускается рука, сухая, горячая ладонь, сильные пальцы сжимают до боли.

А до меня доходит его сказанное: «Мы».

Глава 1

— Ты почему так рано проснулась, солнышко?

Улыбаюсь, смотрю в сонные глаза дочери, они у нее синие с темными лучиками. Заправляю короткие пряди волос прядь за ушко, сама прикусываю губу, чтобы не заплакать, совсем недавно они были длинные и вьющиеся.

— Сон плохой.

— Это всего лишь сон, милая, все плохое осталось в нем.

Беру малышку на руки, такая легкая стала, целую, она крепко обнимает меня. Мое сердце переполняют и радость, и боль одновременно. Как можно было уготовить ей такую сложную судьбу? Она — мой ангел, и зовут ее Ангелина.

— А ты куда так рано уходишь?

— На работу, милая, ты будешь с бабулей, я приду поздно.

— Не уходи, мамочка.

Дочь начинает плакать, пытаюсь ее отвлечь, не показать собственных слез. Я должна быть сильной, ради нее. Ради ее сердечка.

— Смотри, какой красивый единорог, как ты его назвала?

— Сеня.

— О, какое интересное имя для сказочного существа.

Маленькую плюшевую игрушку купила вчера, в детском магазине есть корзина «Распродажа», у розового единорога с радужным длинным хвостом был оторван один глаз. При-

шила две одинаковые пуговицы, дочка очень обрадовалась, такое счастье видеть ее улыбку.

— Пойдем, покажем Сеню бабуле и, конечно, покормим его кашей, чтобы он вырос в сильного и резвого скакуна.

— Он не будет таким, он же волшебный.

Дочка устроилась удобнее, вытерла слезы, погладила игрушке хвост, сделала губки бантиком, всегда так делает, когда задумывается.

— Он, когда немного подрастет, сможет выполнять любые желания, сейчас он еще совсем малыш. Даже самые заветные.

— Совсем любые?

— Да, я загадаю, чтобы больше не бывать в больницах и чтобы папа пришел ко мне. Он ведь не приходит, потому что я больная, я знаю, так говорила одна тетя, а еще, что такие дети, как я, никому не нужны.

Шею бы сломать той тете, зла не хватает! Как можно быть гадкой и бесчеловечной, чтобы говорить такое при ребенке?

— Это была очень злая тётя, не слушай никого и не верь плохим словам. Ты моя самая лучшая девочка на свете, и все будет хорошо, осталось совсем немного.

— И мой папа ко мне придет?

Не знаю, что ответить дочери, ее папа ни разу не приходил и никогда не придет, ему не нужна дочь, никогда не была нужна.

— Обязательно придет, потому что ты самая прекрасная и сильная девочка на всем свете, да еще с волшебным единорогом Сеней. Пойдем, умоемся, бабушка сварила кашу.

Идет в ванную, в маленькой бабушкиной квартире совмещенный санузел, все уже такое старое от времени. Но на ре-